

Туанельский лебедь

Я отчалил
и отчаял
посреди сибирских вод
блещет блещет сизый пруд.

Лебедь лебедь туанельский
носит розовый веноч
уплывает отражаясь
в блеске свеч в мельканье ног
бал поистине изящен
хлопнет брызгами гавот
кто потерян кто утрачен
кто над лирою поёт
кто листаёт тень за тенью
дерзкий нежный и тревожный
кто роняет оперенье
кто полянами стреножен...

Уплывает рыба в море
шевелинёт хвостом хвостом
опускает гриб опору
под берёзовым листом.

Опускалось небо боком
на бугры и буераки
пробегали скоком скоком
по паркетам ходят фраки
на вощёных досках пола
проносились отраженья

изучив проблемы пола
побросали оперенья
и ложились как каскад
наугад.

Непонятными остались
горы реки и мосты
рыбы в сети шли и бились.

С высоты
опускались слов качели
повторенья тёмных снов
и раскачивались ели
вдоль.

Блещет блещет сизый пруд
посреди сибирских вод
там где лебедь туанельский...

Я отчаял —

я отчалил
наконец.

Июль 1968

Стихи, предшествующие путешествию на юг

На крышах вдоль Обводного канала
декабрьским снеговым наносом
ползёт из глубины опала
продольный заговор московский.

Из-за щелей, заборов, ставен,
из-за сугробов безугольных
слова ненужные вставали
над буклями речей крамольных,

над буквами слов безучастных,
над полудённым снегопадом
сновали вымершие касты
и падали с ногами рядом, —

кружились, пели и трещали,
в глаза пустые залетали
обрывки выпретенных пиццалей
и горных полумраков дали.

И, возвращаясь к слов началу,
в плену Обводного канала
тоска монгольская звучала
и монотонно затихала...

Но рядом с ней — коломенскими снами —
рвалась и билась с треском вьюга,
кружилась, расставаясь с нами,
и улетала птицей — к югу.

Декабрь 1968

* * *

От прошедшего дня отрекаюсь простым безучастьем
сумасшедшие птицы летят и летят в облаках
причащаюсь сегодняшним днем и к огню наклоняюсь
бормочу непонятные фразы и знаки черчу на песке

я не с вами — я сам по себе — я не тот фарисей безголосый
я знаменье увидел вчера меж мелькания волн
чудотворные знаки словес оставляю к среде близлежащей
и от вторника прочь — к ней навстречу спешу

погружаюсь в слова и меняю свой облик на тени
бестелесный скольжу по поверхности бледных зеркал
и простым безучастьем от прошедшего дня отрекаясь
бормочу непонятные фразы и знаки черчу на песке.

Май 1969

Ворона, голубь и капитан

Над крышей каркает ворона
и голубя в когтях сжимает.
А тот без крика и без стона
в когтях вороньих молча повисает,

как будто апельсин без кожуры,
как будто апельсин без кожуры.

Вверх смотрит дикий пес из конуры
и цепь свою поперх столба мотает.
На небе голубом ворона пролетает,
в когтях сжимая апельсин без кожуры.

Похоже, будто апельсин вороний
похож на дождь Данаи золотой,
похож на дождь Данаи золотой.

На море парус плещет из-под ветра,
на палубе виднеется суровый капитан.
В трубу подзорную ворону наблюдая,
он видит: на расстоянии около десяти метров
несет она в когтях оптический обман,
да и на вид она — еще довольно молодая.

«Когда б она была Даная,
когда б она была Даная!» —
вздыхает молчаливый капитан
и мчится — дальше в океан.

Декабрь 1969

* * *

Остановясь еще в начале
перед вместилищем пустот,
мы вдруг на небе увидали
лучей воздушных поворот, —

и вверх глаза подняв, отринув
все искушения пустот,
духовной пустоши в середине
стояли мы.

Не в силах сделать шаг,
остановились мы еще в начале.
И облака воздушные неслись,
и незаметно увядали,
и низвергались сверху вниз.

И мы стояли посредине,
задравши головы наверх, —
и невесомости отныне
нас не касался больше грех.

Январь 1970

* * *

Сидела женщина на стуле,
младенец ветхий у груди.
Неподалеку, впереди,
прошла коза, обкусывая ветки.
Вскричала шумная соседка:
«Дождешься ты, мерзавка, пули!
Всё расскажу я нынче мужу!
Мы сад растим — так, значит, нужно,
а ты его, негодная, грызешь!..»
Коза, смутясь, рога склонила,
в словах предчувствуя могилу,
и молвила: «Когда еще придешь
ко мне, о дивное мгновенье,
со сладкой веткой на зубах? —
тогда мое успокоенье
улыбкой отразится на губах...»
И так закончив свои речи,
она пошла заре навстречу —
вперед, товарищи, в борьбе!

Март 1966

* * *

К.Вагинову

Нет! я не Байрон... Я другой
страны неведомый сподвижник.
Я лампу взял за абажур,
я тихой сапой развлекаюсь.
Что мне вода? Понтийских хладных вод
испил немало я... И, торжествуя,
я бью по бубну кулаком,
себя тем самым объявляя.

Май 1967

* * *

Свобода! птицей реет слово...
Куда летит нагая эта птица?
Едва поднялась, — опустилась снова
над синевой безбрежного лица...
Над веком позлащённого паркета,
дубовой радостью горя!
Морёных слов опустится преграда
от февраля до октября.
И снова: птица — ввысь!
И снова: над дубовым,
морёным веком поднялась
и опускается к дубравам,
к траве, к ручью... Исчезла, наконец.
Осталось только слово, вдох
и память о свободе.

Февраль 1968

* * *

*И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слились тень.
Тютчев*

...И тень твоя, с моей мешаясь,
тянулась через комнату к окну, —
но тут свеча, огня лишившись,
последней вспышкой осветила нас.
И в запертом средь стен пространстве
безмолвные фигуры наши
остались, чуть колеблемые ветром,
как два бумажных силуэта.
И лишь глаза вновь стали видеть,
мы поняли, что ускользнули тени
от нас через окно. — Теперь уже в саду,
прижатые к земле луной ребристой,
они несмело всем движеньем нашим
как робкие актеры подражали.
А мы стояли неподвижно,
не смея воскресить свечи горенье, —
и тени на траве росистой
застыли вновь, слегка колеблемые ветром.

И мы стояли неподвижно
и робко сквозь окно смотрели,
как на траве в саду две наши тени
в одну сливались.

Февраль 1970

Отрывок

О Господи! Куда еще, куда
лететь душе, стремительной и гибкой?
Еще какие видеть жемчуга
и губ каких — забытую улыбку?
Когда еще, о Боже, увидеть
звонящих облаков падение ночное,
когда еще безмолвная вода
сокроет мановения покоя?
Блестящих глаз круговорот
и блеск — куда?..

Декабрь 1972

Память. Читая Л.А.

На звезды ночью — каждая блестит
смотри вчера, сегодня
— какая бабочка летит
какие узкие ладони —

смотри и снова и забудь
глухие листьев разговоры
в их шелесте пустынный путь
на отзыв требует опоры

когда листвание небес
и облаков ночное пламя
опустят музыки на лес
неповторимое молчанье
ты собирать словес плоды
вновь примешься — я понимаю —
забыв прекрасные сады
по имени «нет ничего не знаю»

и опуская каждый миг
глазниц своих двойную завязь
пустых луной ночей светильник
ты зажигаешь...

Октябрь 1973

Покой

И. М.

Накатило волной — и опять, и опять: да, — отливом...
Ах, как сладко гулять берегами летеиской воды!
В этот солнечный день еще ниже склоняются ивы, —
в их тени — мы с тобой: я и ты.

Необычно большое проносится облако мимо,
наполняется небо дыханием теплой травы, —
и большие слова, колыхаясь едва уловимо,
не родились еще — и плывут.

Июль 1971